

Армен ДЖИГАРХАНИЯ:

Тигр, которому надоело

— Вы ведь были в Ульяновске на съемках «Ширли-Мырли»...

— Да?! Ну, наверное... Я ведь не забываю города. Могу какое-то явление запомнить. Как-то мы ездили с антрепризным спектаклем «Игра в джин». Краем глаза смотрю — в первом ряду женщина с маленьким ребенком. А у меня слабость к детям и животным. Середина второго акта. И вдруг я вижу, что ребенок сполз с коленей женщины и поднимается на сцену. Не вру вам! И самое страшное, что этот малыш идет с букетом прямо ко мне. Так можно инфаркт получить. Я, значит, подошел, говорю: «Что моя деточка?». А он: «Это тебе». Протянул букет, я наклонился за цветами, и он меня обнял за шею. Поднял ребенка на руки, поцеловал, отдал матери. Все зрители зааплодировали, и мы продолжили спектакль. Это была стрессовая ситуация. Но что меня поразило, после спектакля люди удивились: «Как, разве это не по сценарию было?». Этот случай прекрасно помню, а вот в каком городе происходило, убей не скажу.

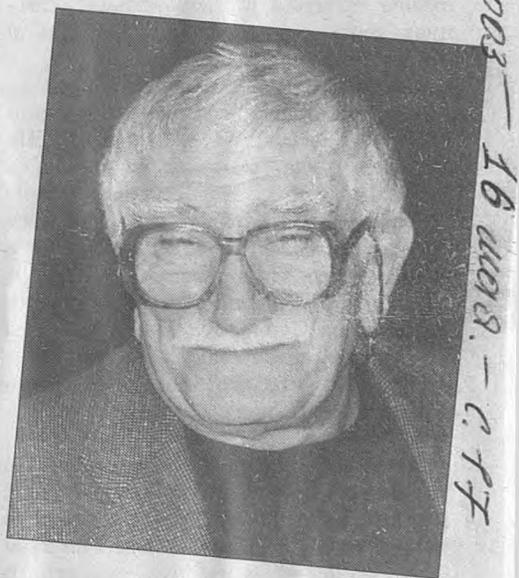
— У вас есть свой театр. Нравится больше играть самому или быть художественным руководителем?

— Знаете, последнее время у меня развились другие размышления о театре. Даже не хочу об этом дискутировать, потому что у меня свои тараканы в голове. Я сегодня не очень понимаю, этот водораздел, или хуже сказать — баррикады между режиссером и актером. Почему-то все больше и больше думаю: это что-то очень и очень близкое, что-то из болезни, какие-то зараженные люди, которые поэтому и вместе. Это одна и та же болезнь — режиссер и актер. Один умный человек по фамилии Сомерсет Моэм сказал, что искусство — это половой акт. Тут и судите дальше, кто режиссер, а кто актер. Иногда они меняются местами.

— Вы наверняка слышали изречение: «В мире нет столько армян, сколько сыграл Джигарханян». Что вас гонит на сцену? Неужели после множества ролей еще осталось что-то недосказанное?

— Скажу, как думаю. Я после 50 лет решил не врать, и уже 18 лет не вру. То, чем мы занимаемся, — это зуд. Можно умнее слова подобрать — типа самоудовлетворение, да, похоже. Но в моем понимании это именно зуд, желание обезьянничать. Пока это существует, че-

ловек идет на сцену. Иногда в зеркало на себя смотрю, говорю себе: «Надо бы уже утомониться!». Но там, в душе, что-то происходит, поэтому мы плачем на сцене. В моем возрасте идиотизм этим заниматься, но вот мы с Ириной плачем. В фильмах я сейчас не снимаюсь. И не зовут, если честно. Раньше начинали разговор с того, что у нас малобюджетная картина, после чего я рассказывал анекдот. В первые годы Советской власти пришли к Рабиновичу просить денег на постройку Днепротел. Посоветовавшись с женой, он ответил: «Сара сказала, если нет денег, то не фиг и строиться». Если уж совсем честно, мне стало неинтересно. Я дружу с цирковой семьей Швеченко, Людмилой и Владимиром из Киева. Володя мне рассказал потрясающую историю. Раньше он был воздушным гимнастом, а его дядя — дрессировщиком. И тот ему сказал: «Долго летать под куполом не будешь, давай я тебе передам свой номер с тиграми. Только учти: вот этот тигр, который у них самый старый, за жоака, больше не будет работать, ему надоело». Месяца три Володя готовил программу, тигр вел себя идеально, был арти-

стичен. Он уже и забывал про сказанное дядей. На первой же премьере жоак бросился на Володю. Ему надоело. Я часто вспоминаю об этом тигре, которому надоело. Надеюсь, дальше расшифруете...

Алексей НИКОЛАЕВ.
Фото Павла ШАПАГИНА.

Народная изд-ва Ульяновская - 2003 - 16 мая - с. 17